

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Наталия Гилярова

Неигра

«Млечный путь»

2012

Гилярова Н.

Неигра / Н. Гилярова — «Млечный путь», 2012

«Наталия Гилярова является одаренной писательницей с собственным видением мира, выразительным и сочным языком. Она обладает несомненным чувством юмора, а к своим героям относится с тем смешанным чувством, которое Хемингуэй определял как иронию и жалость. Проза Гиляровой необходима читателям, ценящим достоинства, благодаря которым литературный текст становится фактом искусства». Владимир Войнович.

© Гилярова Н., 2012

© Млечный путь, 2012

Содержание

ПРОШКА	5
Первая часть	5
1. Подкидыш	5
2. Прошка-Амур и Вася Пузырь	9
3. Ритурнель	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталия Гилярова

Неигра

ПРОШКА

Первая часть

ПРО ПРОШКУ И СТАРШУЮ

ПРАПРАВНУЧКУ АВГУСТЫ

1. Подкидыш

– Кто это? Откуда?!

Старуха стояла над игрушечной детской коляской и рассматривала странное уродливое существо. Голое, тощее, размером с младенца. Тёмные блестящие глаза, темные волосы. Это существо усмехалось, глядя ей в лицо!

Младшая праправнучка, толстая Полинка, ещё недавно возила своих кукол в этой самой коляске. А ещё раньше – Анка. Скособоченная ободранная кукольная повозка задержалась в доме чуть дольше, чем следовало. Надо было вовремя вынести на помойку! Тогда бы в ней не завелось странное существо. Откуда? Кто это? Настоящие младенцы не могут так смотреть, и при этом усмехаться! Не даром в этой комнате вечно орали и били в барабаны «Фломастеры», любимые музыканты праправнучек! Августа (старухино имя) морщилась. Но такой напасти не ожидала!

Августа побежала в кухню к праправнучкам. Они ничего не знали! Они просто сидели и пили чай. Зеленый уродливый чайник, как обычно, свистел носом на конфорке. Такой чайник теперь – большая редкость, ему место скорее в Историческом музее на Красной площади, чем в жилом доме. Тюлевые занавески трепыхались, сияясь отгородить квартиру от холодного мира. Небо висело за окном – чисто-гладко-белое. Даже смотреть на него неинтересно. Похоже на белое старое лицо Августы. У прапрабабушки вместо ресниц – заиндевелые ниточки...

Подкидыш не был уродом. Просто – непонятым. У младенцев животики бывают вздутые, ручки-ножки – вертявые, а у этого – нежное и гладкое кукольное тельце. Кожа голубоватая и прозрачная, даже кости просвечивают – ребра, ключицы и коленки. И глаза слишком тёмные и выразительные. И такие странные взрослые выражения на личике размером с яблоко.

Детская патронажная сестра, соседка Клара Егорьевна, осмотрела подкидыша и заключила, что это – нормальный ребёнок, но истощённый. Возраст его она определить не смогла. Клара Егорьевна объяснила, что когда младенцев не кормят, они и не растут. И взгляд у них делается такой, что нельзя вынести. Поэтому Августа испугалась, когда в первый раз его увидела.

Анка выдумала подкидышу имя – Прошка.

Прошка всё смотрел и смотрел тёмными осмысленными глазами, и усмехался. На ножки его ставили – они подгибались, как ватные, а ручки беспомощно хватали воздух. Весь он – величиной с батон хлеба, а плечики хрупкие, как у нарисованного комара. И пальчики как у комара.

Полинка серьёзно спросила Августу:

- Кем он мне приходится?
- Августа сердито отмахнулась:
- Много будешь знать – скоро состаришься.

Шли дни. Прошка оставался пока в игрушечной коляске – она оказалась ему как раз по росту. Он стал немного живее. Вертелся, потягивался, и очень внимательно всё и всех разглядывал. А иногда издавал какое-то вопросительное хмыканье, или стон, или вздох.

Августе всё это не нравилось. Во-первых, несмотря на заключение Клары Егорьевны, он явно был какой-то ненормальный ребёнок. Во-вторых, непонятно, откуда взялся. В-третьих, стал причиной дополнительных хлопот и беспокойства. Подкидыш забавлял Анку, она вызвалась возиться с ним – азартно принялась менять памперсы, греть бутылочки. Но ведь её почти не бывало дома! К тому же, праправнучка ещё сама была мала, только школу закончила, и Августе было жаль её. Старуха по опыту знала, что возня с ребёнком – это надолго, лет так на двадцать, если не на тридцать... А бывает и дольше. Анка же пока об этом не догадывалась. И Полинку подкидыш тоже забавлял, а старуха воротила от него нос. Зато Прошка во всю глазел на Августу!

Однажды Анка, держа Прошку на руках, задумалась. Он как будто дремал под бормотание «Фломастеров». Как вдруг Анка услышала его вздох. Затем шепот:

- Эх-ма, Августа-то до сих пор в осадке...

Анка пристально взглянула на него.

Он тоже смотрел на нее – испуганно.

- Это ты сказал?

- Я обмолвился! – испугался младенец.

- Вау! – воскликнула Анка.

- Нет, никакого не вау, я просто случайно... – ответил он.

- Ба! Ба! – завопила Анка.

Августа примчалась тяжелыми шаркающими шагами и застыла в дверях.

- Что ещё?

- Прошка по-нашему разговаривает!

- Давно пора, – буркнула Августа.

- Зря ты рассказываешь... – тихонько посетовал младенец.

Августа примолкла и прислушалась. У нее слегка закружилась голова. Но она спокойно спросила:

- Что ты за чудо такое?

- Да нет, я так только, ничего особенного....

- Сколько тебе лет?

- Считать долго. Туда-сюда, и не все числа натуральные...

- Почему до сих пор молчал?

- Растерялся немножко...

Тут Полинка принесла пиалу с детским фруктовым пюре, поднесла младенцу ложку и забормотала по-девчоночьи:

- Кушай, Прошенька! Это обязательно нужно для аппетита. Ты вырастешь большой, сильный...

- Да ты сама еще маленькая, – заявил младенец.

Полинка испугалась и выбежала вон, топоча пятками. Августа пошла успокоить ее. Анка, смеясь, тоже протянула ложку детенышу. Прошка отвернулся.

- Убери!

- Типа, дрянь, да? Что ж ты раньше ел? Сказать не мог? Ну у тебя и выдержка!

– Я притворялся. На самом деле мне не нужно есть. И памперсов я пачкать больше не буду. Но не думай, что я умру. Я ведь не человек. Хотя и жить в вашем понимании не буду.

– Круто! Кто же ты?

– Я не знаю. Но хлопот от меня никаких не будет. Я просто буду с вами. Заверни меня вон в ту зеленую тряпку, – он указал на старую Анкину рубашку, – мне на сто лет хватит.

– Вот придумал! Она сто лет явно не выдержит.

– Сто пудов, выдержит! Главное – чтобы без всяких фирменных значков. От примет времени одно беспокойство. Не терплю скоротечного. Заверни меня – и маскарад окончен.

– И ты не вырастешь никогда?

– Нет.

Анка задумалась.

– Так получается, что ты ненастоящий. Ну, типа, тамагочи!

– Никакой я не тамагочи! – возмутился Прошка.

И всё же Анка на всякий случай перебралась пока в другую комнату, к Августе, вместе с Полинкой. Полинка, как убежала, топоча пятками, так и не отваживалась больше взглянуть на подкидыша. Августа, наоборот, теперь не могла насмотреться на него. Она подолгу неподвижно простаивала над игрушечной повозкой. Или брала стул и сидела, смотрела. А Кларе Егорьевне его больше и не думала показывать!

Всё было так странно. Прошка, завернутый в зелёную рубашку, дни, недели пролеживал в игрушечной коляске, просто как кукла. Отказывался есть и гулять. Не любил, чтобы его вынимали, брали на руки. Внимательные глаза, насмешливый рот, зеленый лоскут ткани – и больше ничего! Августа даже решила перебазировать телевизор в его комнату, чтобы ему не было скучно, и научила обращаться с пультом. Но Прошка смотрел телевизор только вместе со всеми.

Анке сперва казалось интересным, что у неё в доме такая невидаль. Но вскоре эта невидаль наскучила ей. Анка работала в большом стеклянном офисе – печатала на компьютере. Августа догадывалась, что ей там невесело. Да делать нечего, потому что на прапрабабушкину пенсию не проживёшь, а помощи ждать неоткуда. Анка вечерами возвращалась домой недовольная, а дома – тоже скука. И ей стало казаться – это Прошка наводит на неё тоску. Ещё бы! Он никогда не вырастет, не изменится. Никакой непредсказуемости, а значит – и надежды. Лучше бы он был не чудом, а самым обыкновенным ребенком!

А где-то рядом, в том же самом городе, «Фломастеры» жили так ярко и весело! Раньше Анка часто бывала на их концертах. Она могла просочиться на любой из них без билета. И чувствовала себя счастливой, потому что события её жизни развивались, как в сказке. Никто и не догадывался, а меньше всех прапрабабушка. А жизнь Анки однажды переменилась самым фантастическим образом. Блестящий знаменитый великолепный Красный Фломастер подмигнул ей со сцены! Именно ей! А потом случился великий облом, или величайшее разочарование в её жизни. Радужные перспективы развеялись, надежды обратились в прах. Фломастер подмигивал другим, а её больше не замечал! Анка отчаялась и перестала бывать на концертах. Она сидела за компьютером в стеклянно-бетонном офисе, сидела с плеером, а «Фломастеры» сидели у неё в наушниках. И вся радость. Они жили сами по себе, в том же городе, но насыщенной необыкновенной жизнью, а Анка между тем пропадала! Она понимала, что ничего никогда не переменится, и ничего у неё в жизни больше не будет, кроме этого скучного феномена – Прошки.

Как-то Анка вернулась домой, по своему обыкновению, недовольная, но, против обыкновения, заглянула к Прошке. Прошка, когда кто-нибудь заглядывал в его кукольную повозку, не сразу оживал – сначала был бел и нем, потом начинал шевелиться и произносить бессвязные

звуки, а уже потом розовел и делался похож на ребенка. О том, на что он бывал похож, когда его никто не видел, Анка не задумывалась...

Она в нетерпении принялась теребить его зеленую пеленку.

– Расскажи что-нибудь!

– О чем же рассказать тебе? – вздохнул потревоженный куклениш.

– Ну, обо всем.

– Обо всём? Но я здесь ничего не знаю и не понимаю! У вас всё так странно. Так нелепо и запутано, все знаки и подмены. Даже чувства смутны.

– Откуда ты знаешь? Лежишь тут, как бревно...

– Просто язык чувств – мой родной...

– Ты, вообще, откуда?

– Оттуда, где вся жизнь – чувство.

– Отстой! Лучше приключения!

– Я могу рассказать тебе кое-что, – задумчиво произнес малыш.

– Ну! – обрадовалась Анка.

– Только я буду рассказывать так, как умею. Что-нибудь значительное так трудно выразить на незнакомом языке. Чем образ ярче, тем бледнее он выходит...

– Не грузи! – нетерпеливо прервала Анка.

Младенец задумался и неуверенно начал:

– Когда-то на свете жил один-единственный Мастер. И больше никого на свете не было. Он смастерил себе из тростника дудочку. И после этого делать ему было совершенно нечего. А времени – бесконечно много. Он сидел и играл на дудочке... Представила?

– Ну!

– Но он был Мастером и вечно играть – не мог. Не в его это характере. Пошел побродить и увидел Дерево... Дерево, которое увидел Мастер, было тоже единственным на свете. Поэтому его нельзя назвать самым красивым. Оно было похоже на каштан, и на вишню, и на сосну, и на пальму, и на баобаба. Хотя баобаба, говорят, трава, но я не очень верю. В равной мере на все деревья, сколько их ни известно теперь ботанике. Огромное, как целое солнце, оно не росло – ему было некуда...

– Отстой! – прервала Прошкин рассказ Анка. – Ненавижу сказки! Даже в детстве ненавидела. Ты, всё на свете, вроде, знаешь, чего никто не знает... Короче, расскажи хотя бы про «Фломастеров»... Не засохли ещё эти уроды?.. Прошка, почему ты на меня не смотришь, закатил глаза и побелел? Ой, что с тобой?

В коляске, завернутое в потрепанную зеленую тряпку, лежало изящное изваяние кудрявого мальчика, белое и почти прозрачное. Анка хотела взять его на руки, но не смогла. Мальчик был мраморный.

– Что же это такое! – растерялась она. – Прошка, перестань дурака валять! Это же не интересно!

Изваяние молчало. Анка позвала прапрабабушку.

– Что, новости начинаются? – прибежала Августа.

– Да, новости! Я не захотела слушать его глупую сказку, а он обиделся! – пожаловалась Анка.

Августа склонилась над коляской:

– Прошенька, расскажи лучше мне. Ты рассказываешь чудесные сказки, где ей их понять, она ещё ребёнок! А я могу слушать бесконечно. Ну перестань сердиться!

Изваяние оставалось неподвижно.

– Ты что-нибудь понимаешь, ба? – воскликнула Анка.

– Нет. Давай звонить в музей – пусть пришлют экспертов.

– Но они заберут Прошку!

– А что делать? Ты посмотри на него – это, может быть, даже римская копия с греческого оригинала. Ведь это Амурчик. А если он пропал откуда-нибудь или украден?

Она включила телевизор. Там уже передавали новость: в Пушкинском Музее Изобразительного Искусства в тринадцатом зале только что исчез со своего постамент «Амур» Фальконе! Не такой уж древний, правда. Всего лишь восемнадцатого века. Но в музее всё равно ужасный переполох.

– Я звоню в Александровский! – всполошилась и Августа.

2. Прощка-Амур и Вася Пузырь

Забирать мраморного ребенка в тихий дом Августы явилось семь искусствоведов, два милиционера, директор музея Данилова, смотрительница-свидетельница и старушки-соседки, глухая и слепая – понятия. Они составили протокол и хотели уже унести Прощку, когда директор заметила, что хорошо бы чем-нибудь обернуть статую от любопытных глаз. Анка протянула зеленую тряпку – последнее, что осталось у нее от Прощки.

– Он хотел носить это вечно, – объяснила она и... заплакала.

Директор Данилова осмотрела рубашку и отдала назад.

– Можете оставить себе. Вам, должно быть, это дорого.

– Спасибо, – от души поблагодарила Анка.

И они ушли, унося с собой Прощку. Все, кроме одного искусствоведа, который, казалось, был очень огорчен всем увиденным.

– Что же Вы плачете так горько? – распереживался он. – О чем Вы? Я понимаю, что расстаться с таким произведением искусства, как «Амур» Фальконе нелегко, но ведь Вы сможете приходить в музей и любоваться им на прекрасном постаменте!

– Да на фига мне «Амур»! – возразила Анка сердито.

Она вытерла глаза и взглянула на искусствоведа. Черные лакированные ботинки, а до самых ботинок – широкое клетчатое пальто. Пальто с пелериной и тронутые благородной седой чуть выющиеся волосы до плеч. Открытое, веселое, умное лицо с удивленно приподнятыми бровями, черная шляпа, черные перчатки и – осанка. Анка вроде как онемела, а гость продолжал говорить:

– Я не сотрудник музея, даже и не искусствовед. Я случайно оказался в тринадцатом зале, как раз когда было обнаружено исчезновение и, конечно, не мог не быть взволнован. Я – коллекционер, собиратель. У меня, смею Вас уверить, интересная коллекция. Отчасти я и эксперт. Мое имя Василий Пузырь. Хотелось бы услышать и ваше, ведь Вы сегодня героиня дня?

– Анна Виноградова.

– Звучное имя. А как можно обращаться к Вашей бабушке?

– Со мной вам незачем знакомиться, Василий Пузырь, – отрезала Августа.

Она была расстроена исчезновением Прощки и недовольна навязчивостью гостя. И поспешила выйти из комнаты.

– Ах, как жаль! – прокомментировал Пузырь.

И незамедлительно познакомился с Полиной.

– Должно быть это вы, Полина, первая обнаружили подкинутую статую. У вас такие юные ясные глазки!

– Нет, – смутилась девочка.

– Вы так правдивы, что заслуживаете подарок. – Пузырь вложил Полине в ладонь яркий брикет клубничной жевательной резинки.

Неожиданно появилась Августа. Она принесла чай на красиво обставленном подносе. Устыдилась своей грубости, поняла Анка. За чаем Августа и вовсе смягчилась по отношению

к гостю. Ещё бы, он говорил только об искусстве! Она удостоверилась в его познаниях в областях живописи и музыки, истории и языков, признала за ним ум и вкус. Августе стало даже немного стыдно за необразованность своих бедных девочек, выросших в нищете и лишениях, слушавших «Фломастеров». Но гостю они, казалось, нравились. Он весело шутил с Полинкой, рассказал, что у него тоже есть сын, скрипач и нумизмат, и что неплохо им было бы подружиться, потому что мальчик застенчив, а Полинка такая милая и воспитанная... (Анка не считала свою сестру милой и воспитанной. Полинка, на её взгляд, была неуклюжая и туповатая, нелепая какая-то. Анка догадывалась, что всё дело в шраме – у Полинки через весь лоб шел шрам. Полинка родилась больной, и ей сделали операцию. Августа никому не рассказывала, какую операцию, и про шрам никому нельзя было рассказывать. Его навсегда спрятали под чёлкой). Но гость как будто не видел недостатков ни в ком. А с Анки вообще глаз не спускал. Пригласил её и Августа познакомиться со своей коллекцией.

На другой день обе, подкрасившись и приодевшись, волнуясь, с букетом белых нарциссов, отправились в гости. Указанный дом они нашли на красивой чистой улице, за узорчатыми воротами, в тихом саду. Это был большой белый особняк. Молчаливый человек распахнул перед ними калитку, провел по зеленой мраморной дорожке к широкому белокаменному крыльцу, и ввел в холл, прямо на пушистые ковры. Крыша над холлом высилась куполообразная, янтарного стекла, по стенам чередовались витражи и зеркала. Когда навстречу вышел хозяин, Августа выхватила скромный букет из Анкиных рук и протянула ему:

– Вашей супруге.

Получилось излишне официально. Очень уж она растерялась.

– Хорошо, пойдемте, – лаконично ответил он.

Он привел гостей в светлый зал, обитый белой парчой. Приметней всего там была огромная картина посреди стены. Портрет женщины – в золотом сиянии, в белом платье. Пузырь склонился и положил цветы на солнечно-медовый паркет под картиной.

– Тебе, Катя, – сказал он.

Повисло неловкое молчание.

– Простите меня, – промолвила Августа, – я не знала.

– Мне и самому трудно поверить и осознать... Но незачем огорчать моих милых гостей.

Он обратился к Августе:

– Не будете ли Вы добры сыграть нам?

Посреди зала, на мозаичном яшмовом низеньком столике с ножками-морскими коньками, нетерпеливо ждала виолончель, смычок ее чуть не подпрыгивал от нетерпения, а футляр спокойно лежал поодаль.

– Но я не умею, – Августа даже испугалась.

– Не может быть! Вы... – приветливый хозяин выглядел изумленным.

– Я никогда...

– Неужели? – в голосе недоверие.

– Да, я вспомнила. В детстве училась...

– Вот видите, – обрадовался Василий Васильевич, – пожалуйста!

– Это было сто лет назад. Такая вот петрушка.

– Простите, Августа Неждановна. Я так люблю виолончель, и я надеялся... Но, быть может, потом? Когда вы перекусите, отдохнете с дороги, познакомитесь с моей галереей и побываете в саду?..

Коллекция Пузыря производила впечатление необычайное. Анка нисколько не скучала. И Августе все пришлось по душе. Только Августа была удивлена – как же она никогда раньше не слышала имен мастеров, создавших такие заметные вещи. А тех, кого она знала назубок, здесь не было вовсе. Разве что пара полотен Матисса.

Здесь перед ней развернулась вся история искусств – та, да не та. Даже самое труднопредставимое и трудноперевозимое – фрагменты глыб с наскальным рисунком. Осколки рельефов древнего Египта и римских мозаик – представьте себе! Образцы византийской миниатюры. И далее – всё-всё, что было в мире, вплоть до диковинок постмодерна! Августа расспрашивала Пузыря бесконечно, стремясь понять одно – отчего у него все словно красочнее, выпуклее, пронзительнее и яснее, чем в тех коллекциях, что она видела до сих пор. Он объяснял фантастический эффект просто – изначально своим принципом приобретать лишь то, к чему лежит душа, а не «имена».

– Я ценю по достоинству многое из общепризнанного, но мало что меня трогает. Если вещь не трогает меня – для чего она мне в моей коллекции? Я объездил весь мир и собрал самое дорогое моей душе. Без души любая деятельность мертва. Мертвечины итак везде достаточно. В том числе и в музеях. Разве я не прав?

– Я могла бы спорить с вами, – сказала Августа, – если бы у меня перед глазами не было вашего собрания. Оно настолько необычно, ново, интересно... пленительно! Мне кажется, стоило бы составить и издать каталог. Большим тиражом. Даже огромным!

– Какая прекрасная мысль! Августа Неждановна, могу я надеяться на Вашу помощь? Не откажите в моей просьбе – никто не сможет сделать эту работу так, как сможете Вы.

– Но, Василий Васильевич, издание каталога дело непростое! Такие хлопоты старухе не под силу.

– Но у вас не будет никаких хлопот. Я предоставляю в ваше распоряжение целый штат помощников. Фотографа, секретаршу, курьера, любых специалистов. Помогите воплотить мою давнюю заветную мечту, прошу Вас. Только Вы...

Августа почувствовала лёгкое головокружение.

– Эти двери прямо в сад? – прервала Анка скучный для неё разговор. – Я выйду проветрюсь?

– Я должен сам показать вам все свои оранжереи! – воскликнул Пузырь.

Он срезал все цветы, которые гости имели неосторожность похвалить – и даже редкие голубые розы, не говоря уже о черных тюльпанах и королевских орхидеях. Они вернулись домой с невероятными букетами, но... Анка была сердита, а старая Августа смущена.

Августе не нравился Пузырь. То есть наоборот, он был слишком безукоризнен, как выдумка. Ей казалось, что в более щекотливом положении она не бывала никогда в жизни. Несмотря на свои девяносто с лишним лет она не понимала этого Пузыря, а его странная коллекция вносила еще больший сумбур в ее мысли. Она спешила занести в тетрадку все прозвучавшие имена и страны, потому что они норовили улетучиться, ускользнуть из памяти...

Августа понимала, что Пузырь представляется ей совершенно чуждым и отчасти опасным, возможно, потому, что он несметно богат. Богат, следовательно, его привычки, чувства и понятия совсем иные, чем у нищих, обделённых, угнетённых – в какой-то мере они даже непостижимы бедным людям. Она опасалась неприятностей и ждала подвоха. Страх настолько смешал ее чувства, что ей казалось – не только образ жизни, но и самая природа этого человека иная, непостижимая. А Прошка как раз покинул ее и внушек, и от этого Августе было особенно неуютно...

Но Пузырь оставался безукоризненным! Он казался так мил и прост, что Августа вскоре приступила к составлению каталога его собрания. Внушки приходили с нею, и проводили все свое свободное время в этом невыносимо роскошном доме. Для них нашлось бесконечное множество невиданных развлечений. Августе приходилось мириться с таким положением вещей, раз она сама согласилась работать на подозрительного заказчика. Чем бы ни объяснялось необычайное богатство Василия Васильевича Пузыря, что же делать, если оно не оставило отпечатка порока на его лице! Куда деваться – Августе приходилось признать, что ничто

в поведении и словах этого человека ни разу не покорило её. Мудрой старухе казалось, ему даже нечего скрывать, на его совести нет ни единого пятнышка. В своем роде он был совершенством. Августу тревожила её собственное благодушие, но сказать праправнучкам было нечего, и она молчала.

В Прошкиной комнате никто ничего не трогал. Так и стояла игрушечная коляска, в которой недавно завёлся уродец Прошка, и так же быстро, как появился, пропал. Анка по-прежнему спала в другой комнате, с Полинкой и прапрабабушкой. А эта оставалась запечатанной, заколдованной, страшной. В коляске так и валялась смятая зеленая рубашка.

А работа Августы между тем шла споро, жизнь сделалась веселее и вольготнее, внушки тоже уже не выглядели такими по-сиротски заброшенными. Полинка – та просто все время пребывала в состоянии восторга. Каждый день ее ожидали новые развлечения, сюрпризы и маленький застенчивый Эмиль, сын Василия Васильевича Пузыря, за огромным монитором мощного компьютера. Для нее настало счастливое детство! Анка вела себя сдержаннее. Она тосковала по-прежнему, а с величественным Пузырем разговаривала сердито, порою вздорно. Особенно в отсутствие бабушки.

Однажды он заметил ей:

– Меня очень огорчает, Анна Сергеевна, что вы как будто все время сердитесь на меня. Я провинился перед вами?

– Нет, – усмехнулась Анка, – не смешите! Вы-то знаете, что унижаете нас! Мы ничтожны, а вы весь из себя! Блестите! А мне противно! Заткните свою коллекцию, свой «БМВ», свой бассейн, теннисный корт, и угощение знаете куда! Мне по фигу! Я больше не приду! Бабушка зря только унижается...

Анка задышалась от негодования. Пузырь был растерян и выглядел пренесчастливым.

– Неужели, неужели так? А я так привязался к вашему семейству. Нет, ваша бабушка слишком умна, она не может вот так, ни за что, презирать меня. Ведь такой симпатичной, тонкой, образованной собеседницы я никогда не встречал. А как мне нравится Полечка! Это такой простодушный, смелый, ясный ребенок. Эмиль совершенно преобразился с тех пор, как играет с нею в «Звёздные войны». А вы! Разве ваша удивительная красота, ваше изящество, я говорю о прирожденном изяществе, не дает вам право презирать любое богатство, даже любые произведения искусства? Разве вы не знаете, какая великая сила – красота?

– Хватит с меня «Фломастеров». Красота ровно ничего не значит в этом дрянном мире. Но мне по фигу! Мне ничего не нужно, это вы пропали бы без своих денег.

– Как вы несправедливы, как вы плохо меня понимаете...

– Понимаю! Ещё как!

Сказав так, Анка ловко развернулась на каблуках и грациозно пошла к воротам, только пару раз поскользнувшись на голубоватом мраморе. Ей было отчаянно весело, она уже нацелилась зашвырнуть куда-нибудь букет редких тюльпанов, преподнесенный Пузырем, но рука ее застыла в воздухе, потому что один из цветов жалобно запищал. Анка внимательно на него поглядела. Под ее взглядом лепестки, трепеща, разомкнулись. В сердцевине цветка лежал Прошка и весело смеялся. Глазища его сияли, как жуки-бронзовики. Анка осторожно двумя пальцами вынула его из тюльпана. Он оказался по-прежнему спелёнут всё той же зелёной рубашкой.

– Ну и где тебя носило? – поинтересовалась Анка.

– Не спрашивай. Этого не пересказать. Лучше вернемся поскорее домой, ты позвонишь сразу же Василию Васильевичу и помиришься с ним – ты зря его обидела.

– Вот ещё советчик нашёлся! – возмутилась Анка. – Вовсе не зря, потому что он проходимец.

– Он невиннейший из людей, – возразил Прошка, – прикинь, он ведом добрым гением, и все, что у него есть – дары этого существа.

– Чушь, – возразила Анка, – с чего ты вообще это взял? Ты с ним давно знаком?

– Я знаю его куда лучше, чем тебя.

– Ага, – ревниво воскликнула Анка, – типа это ты тот добрый гений, который дал ему богатство?

– Разве я – добрый гений? Я – беспомощное существо, недоразумение на этой земле.

– Всё ты врёшь! И насчёт того, кто ты, и... И всё самое интересное не рассказываешь, – упрекнула Анка младенца.

И вдруг ей сделалось смешно. Она представила со стороны эту картинку – они с Прошкой – вылитые мамаша гуляющая с младенцем на руках – разговаривают, как взрослые.

– Я как раз собирался сказать тебе самое интересное. Ты должна верить Василию Васильевичу. Теперь он так несчастен, ты обошла с ним слишком грубо, а он страдает...

Анка принесла подкидыша домой, уложила обратно в игрушечную коляску, и позвала прапрабабушку.

Августа обрадовалась, как девочка, которой принесли долгожданную куклу. А может быть, и сильнее. Как старуха, узревшая Илью-пророка в туче. Она склонилась над Прошкой. Целую минуту они молча смотрели друг на друга. Потом старуха сказала младенцу:

– Спасибо, что ты вернулся.

– Я не мог не вернуться. Мне необходимо было объяснить Анке, как она несправедлива к Василию Васильевичу.

Августа вполне согласилась с Прошкой в том, что Анка должна извиниться перед Пузырем, что она вела себя ужасающе невоспитанно и совершенно неправа. Старуха даже покраснела от стыда. Что ж, Анка позвонила.

После этого случая ничто уже не могло омрачить ее дружбы с коллекционером. А он в тот же вечер все рассказал о своем добром гении и неожиданных дарах судьбы, так что даже старой мудрой Августе стало неловко за прежние сомнения. И она как раз вспомнила о белокаменном особняке, где ей самой когда-то жилось припеваючи, о том, что было так давно, похоже, в ином измерении... Да и на самом деле того дома уже не существовало на земле, камня на камне не осталось. И старуха стала подумывать, может быть, и праправнучке суждено нечто подобное?

– Прошка, а правда, что я, ну, типа, красавица? – однажды спросила Анка младенца. – Только тебе поверю.

Прошка пристально смотрел на неё, но молчал.

– Что, нет? Это очень сейчас, очень важно! Ну, скажи мне.

– Наверное, да.

– Но ты сомневаешься?

– Нет. Но глядя на тебя я вспомнил одну сказку...

– Расскажи ее Полинке, а мне рассказывай обо мне. – Анка выбежала из комнаты.

Она становилась все веселее. Цвела весна. Кусты в скверах покрылись мелкими листочками. Августа уже давно не слышала «Фломастеров», и на душе у нее сделалось тише и благозвучнее. Она уговаривала Прошку отдать ей постирать свою зеленую тряпицу, когда в комнату вбежала Анка – в мокром белом плаще и с дождинками на шелковых волосах. Она сияла.

– Ба! Слушай, полный улёт! Мы с Пузырём летим на море!

– Ах! – сказала Августа.

– Этого не может быть, – взволновался Прошка, – слышишь, Анка? Этого ну просто не может быть! Это не по-настоящему.

– Почему же? Вот, он подарил мне купальник, в котором даже там не стыдно показаться. – Анка развернула золотистый целлофан и показала прапрабабушке и Прошке связку ярких тесемочек.

– Где – там? – спросила Августа.

– На Канарах.

– Но ты не можешь туда ехать. Твой прадед был репрессирован.

Анка засмеялась.

– Ба, ты знаешь, какой сейчас год?

– Всё равно, – не сдавалась старуха, – у тебя даже нет иностранного паспорта.

– Пустяки, ба! Уже сделали. Полный улёт!

А Прошка, отрешенный и взволнованный, все твердил:

– Невозможно, невозможно. Это не по-настоящему.

Его бормотание наконец встревожило Анку.

– Прошка, что ты бормочешь, варвар? Не хочешь же ты, телепузик, помешать мне впервые в жизни отдохнуть на море? – с опаской спросила она.

– Я бы очень огорчился, если бы помешал тебе. Я бы не простил себе этого, – уныло проговорил Прошка.

В этот вечер все в доме были взволнованны, и спать улеглись поздно. А улегшись, прапрабабушка с праправнучками еще долго перешептывались. Потом всё же заснули, но в самый дремотный, самый зыбкий час ночи Полинка опять проснулась и, сонная, босиком поплелась в туалет. Проходя крадучись мимо Прошкиной комнаты, она вдруг услышала голоса и увидела движущиеся тени. Полинка всегда считала, что не боится привидений. Поэтому, хотя сердце ее отчаянно барабанило, она остановилась послушать. Знакомый голос певуче произнёс:

– Этот мир слишком притягателен. Я теперь принадлежу ему целиком, пути назад для меня нет.

– Более нелепого мирка я ещё не видел! – возразил другой знакомый голосок, тоненький.

– Ерунда! Этот мир прекрасен!

– Пусть так, хотя всё и не так. Но ведь ты – мой вымысел. Ты не можешь выдумывать сам. Иметь собственное мнение, строить планы... Например, ехать на море. Такого не бывает! Раньше ты делал только то, что я придумывал. А теперь я даже не представляю, что может произойти! Если ты не разрушишься сам, то разрушишь мир... – взволнованно вещал Прошка.

– Да, я проник сюда иллюзией, твоей фантазией, Анкиной мечтой. Но теперь-то я в самой сердцевине! Я обрел форму и жизнь. И даже тебе, меня выдумавшему, не выдворить меня...

– Что же тебя так привлекает? Неужто, Анка?

– Да! – бархатный голос Прошкиной выдумки сделался взволнованным.

– Ну ты и уникам! Я хочу сказать – ну и вкус у тебя! Вот уж не думал! – изумился Прошка.

– Ничего удивительного! Это ее жизнь, фантазия, желания меня хранят, и теперь защищают даже от тебя. Для нее ты сам меня призрачнее!

– Какая беда! Я просто хотел развлечь её, – жалобно пропищал Прошка.

– Теперь Анечка моя, – пропел бархатный голос.

Полинка потихоньку заглянула в комнату. Прошка сидел в углу своей коляски, сложив ножки по-турецки и понуро склонив голову. Коляска накренилась и жалобно поскрипывала. Зелёная тряпица висела на нём жалкими отрезками. А на его пальце балансировал маленький Василий Васильевич Пузырь в своем пальто с пелериной.

– Пожалуйста, фантазия, вернись в мою голову, ты слишком разыгралась, – прошептал Прошка.

– Не проси. Я влюблен. Ты не знаешь, что это такое. Ах, Прошка, честно говоря, тебе следует пожалеть меня. Кажется, я попал в жестокую переделку. Она ведь не любит меня, и летит со мной на Канары только из-за тамошних видов. Я уже несчастен.

– Да, и ты пропадешь, рассыплешься, как любая неуместная фантазия. И она с тобою. И, может быть, весь свет.

– Ну и пусть. После меня – хоть потоп!

– Как я глуп и бессилён... Прояви хоть ты благоразумие!

– Я попросту не могу, пойми... Это сильнее меня, – покачал крошечной головой крошечный Василий Пузырь, – такое огромное чувство, а я такой маленький...

Смелая Поинка уже знала, как избавить Прошку, сестру и весь мир от страшной нежити! Она прыгнула, как кошка, и поймала Пузыря! Он бился в ладонях несчастной, насмерть перепуганной бабочкой. Но Поинке вовсе не было его жаль – она ведь знала, что он ненастоящий. На столике в лунном свете поблескивала пустая коробочка из-под клубничной жвачки, когда-то подаренной ей Василием Васильевичем. В этот коробок Поинка и посадила коллекционера, а коробок для надёжности сунула в большую Августину туфлю, а туфлю – на самое дно вместительной овощной корзины, и засыпала картошкой. И тогда ей стало страшно.

Она опрометью бросилась в свою постель и лежала, дрожа, до утра. Она сомневалась – а что, если Василий Васильевич все-таки немножко живой? Каково ему под картошкой?

3. Ритуаль

Поинка тревожилась, мучилась сомнениями, и чем больше проходило времени, тем сильнее! Она сразу же придумала спросить Прошку, что он обо всём этом думает, правильно ли она поступила. Он или похвалит её за смелость и ловкость – и тогда она совершенно успокоится, или скажет, что так ни в коем случае нельзя обращаться с взрослыми коллекционерами, даже когда они выдумки... И тогда она освободит Василия Васильевича. Но Прошка не отвечал. Он прикинулся Поининой куклой Карлом, последней, в которую она играла... И ни за что не хотел говорить, проявляя полное равнодушие! Поинке стало обидно и за себя, и за Василия Васильевича, который доставлял окружающим столько радости, а теперь томится на дне корзины, засыпанный картофелем, а Прошке всё равно!

Всем сделалось тоскливо без Пузыря. Августа была растерянна, Анка зла и понура, Прошка онемел, а сама Поинка разом лишилась всех удовольствий. Исчез и беломраморный особняк, и веселый покладистый Эмиль. А ещё прапрабабушка хватилась туфли. Так что у Поинки были причины для раскаяния и сомнений. Августа без конца искала и жалобно оплакивала туфлю – у неё не было другой удобной обуви, и она не знала, когда сможет продолжить свою работу над каталогом – не отвечал телефон ни у секретарши, ни у фотографа, ни в особняке, ни даже в сторожке у садовника. Поинка притаилась и молча ждала – что будет?

Анка тоже замкнулась в себе. Стала много курить, ломала свои тонкие пальцы, кусала губы. Жалко ей было, что не погуляла по островам Канарам. Поинка хотела было рассказать ей в утешение, от какой беды её избавила, но не решилась. А потом стала сомневаться, не виновата ли она перед сестрой? Может быть, ничего страшного и не случилось бы, и Пузырь бы не лопнул, и даже землетрясения не произошло бы, а Прошка зря устроил панику? Августа все не решалась купить себе новые туфли, надеясь найти пару от старого... Теперь Поинке стыдно было бы признаться, что это она спрятала туфлю, да еще повела себя так невежливо, так неблагодарно по отношению к Василию Васильевичу.

Поинка почему-то оказалась виновата перед всеми, хотя поступила самоотверженно и победила злодея в неравной схватке! Она помогла Прошке, который был бессилён перед самозванцем, а он и не думал благодарить! Она защитила Анку. Разве Анка может вообразить, что пережила её маленькая сестра? Она нежно смотрит на луну и сердито на Поинку. Перед луной она вздыхает, а на Поинку шипит. Поинка уже решительно не понимала, что в сестре можно найти красивого и привлекательного. Поинка отказалась бы лететь с ней на острова Канары даже во время учебного года вместо школы. Если бы ей не было теперь мучительно стыдно перед Василием Васильевичем, она бы достала из прапрабабушкиного туфля коробку из-под жвачки только для того, чтобы спросить его: «Ну далась вам Анка! Разве можно из-за нее жертвовать чем-то, ссориться с Прошкой? Ведь это выглядит глупо, Василий Васильевич! К тому же моя сестра, к сожалению, совершенно некрасивая. Видели бы вы, какие красивые

девочки есть у нас в классе! Вы просто ошиблись, ослепли. Вам должно быть стыдно даже перед Эмилем. Ведь мы все из-за вас страдаем. И Вы сами виноваты, что очутились в корзине. А я в этом не виновата!»

Августа тоже попробовала расспросить Прошку.

– Прошка, ты знаешь, что наш Пузырь не подходит к телефону и вообще пропал?! – спросила она.

– Августа, ты ведь и так все понимаешь. Это был просто мыльный пузырь.

– Ты же ручался за него! «Достойнейший, честнейший...»

– Я говорил, что он безобидное существо. Ну, как мыльный пузырь, пустое и безобидное.

– Вот так безобидное! Улететь на Канары без Анки! Не ожидала!

– Он не улетел на Канары, он лопнул. Без Анки он вообще не смог бы существовать! Я выдумал его специально для неё.

Августа опешила.

– Так это ты обманул ее?

– Ей не нравилось слушать сказки, я подумал, может быть, она хочет пережить сказку. Она очень жаловалась на скуку. Сначала мне казалось, что выдумка очень даже удачная, потом начались сложности...

– Ты играешь в нас, как в куклы! – укоризненно произнесла Августа.

– Я не знал, что пустая фантазия может быть опасна. Что ваша реальность так хрупка. И легко может быть разрушена. А выдумка, наоборот, приобретает такую плотность на земле. Хотя ты, Августа, чувствовала, что Пузырь – мыльный?!

– Вначале мне показалось, что вся эта история – невероятная чепуха... Особенно подозрительным был трюк с виолончелью... А потом я поверила. Даже каталог составляла самым серьезным образом, выкладывалась. Да я переживу. Анку жаль.

– Объясни ей, что он выдумка, что его не было и нет...

– Бесполезно, – покачала головой Августа.

– Как я глуп!

– Ты не виноват. Ты же не знал, что люди не умеют общаться с мыльными пузырями... Только обещай впредь не играть в моих внучек. Да и я тоже не хотела бы попасться на такую удочку. Вчера я разговорила в парке со стариком. В сером строгом костюме, с гвоздикой в кармашке. Это ты подстроил?

– Нет, я тут ни при чём, – замотал головой Прошка.

Августа вышла из комнаты. Анка надевала свой уже потрепанный белый плащ, собиравшись на службу.

– Девочка моя, – сказала Августа, – этот младенец такое натворил...

– Что же? – равнодушно спросила Анка.

– Это он выдумал Василия Васильевича Пузыря. Которого никогда не было на свете...

– Кто же это был на самом деле? – спросила Анка.

– Мыльный пузырь. Вроде как гипноз. Фокус. Иллюзия...

– Не иллюзия, а старый козёл, – поправила Анка и ушла.

Она пошла не на бетонно-стеклянную свою службу, а туда, где раньше стоял мраморный особняк. Как обычно, она не нашла его, а только заблудилась в Ботаническом саду, где остались оранжереи и цветы Пузыря, но вместо особняка – сторожка с косым крылечком. Ей нисколько не казалось странным и таинственным исчезновение особняка и появление избушки на его месте. Она знала, что с деньгами можно всё. Ей казалось, Пузырь смеётся над ней, просто потешается. Но она всё равно приходила сюда, как будто ждала, что морок развеется и дом появится на прежнем месте, как ни в чём ни бывало. Вчера по привычке сорвала приглянув-

шийся ей цветок, и сторож, как раз прохлаждавшийся на крылечке своей сторожки с папироской, вызвал милицию. Сегодня Анка села на каменный парапет и сидела неподвижно, спрятав лицо в ладонях, а сторож бродил вокруг да около, прикидывая, нарушает она общественный покой или нет.

...Анка подняла глаза. На нее пристально смотрела рыжая собака. «А этой что от меня нужно?» – испугалась Анка. Но холеному сеттеру на замшевом поводке ничего не было нужно. Сторож любезно беседовал с его хозяином. Анка посмотрела на хозяина собаки снизу вверх, сквозь слезы, и ей показалось, что у него необычайно величественная осанка, клетчатое пальто с пелериной до пят, чуть тронутые сединой кудри до плеч, и черные перчатки. Анка вскочила на ноги, сеттер оскалил белые зубы.

– Вы не видите меня? Или не узнаете? – крикнула ему Анка.

– Простите? – произнес хозяин собаки, недоуменно глядя на неё.

– Слепли?

– Ну как же, я вас помню! – Вдруг заулыбался он. – Мы с вами однажды играли в теннис у Василия Васильевича Пузыря, этого богатого дилетанта.

– А вы кто тогда? – растерянno спросила Анка.

– Вы забыли? – он взял ее за руку и они вместе с рыжим сеттером медленно побрели по дорожке, – я же Кузьма Ритурнель! – произнёс он со значением. – Что, вспомнили?

Анка молчала.

– Знаешь что? Зови меня просто Кузей. Ведь мое имя все равно ненастоящее. Вернее, не полное. На самом-то деле я – князь Ритурнель. Но титул нужно опускать, как нечто позорное! Такие времена! Над благородным происхождением смеются! Даже на Западе ко мне относятся с большим уважением. Племянница испанского короля подала мне руку. Ничего себе козочка! Видела бы ты! А теперь кому ни расскажешь, всем завидно. Жалкий род человеческий! Даю тебе честное слово князя Ритурнеля – первому же честному человеку пожалую дворянство.

– Как же вы это сделаете? – удивилась Анка.

– Очень просто. Я выдам ему удостоверение с печатью в красной корочке. Печать я уже сделал! Только вот нет ни одного честного человека! Но я верю, что справедливость восторжествует! Все патриоты получают правительственные награды! Остальных правительство отправит в эмиграцию с конфискацией! Теперь Бог испытывает нас! Но мы не сломились! Я уже выкупил свой родовой курган. Рядом – пруд с форелью. И если ты не дура, если ты не такая же, как те дуры, которые считают, что заниматься пустой посудой зазорно, я тебе еще и поинтереснее кое-что расскажу, и даже покажу. Согласна?

– Да я вовсе ничего такого и не думаю про пустую посуду...

– Отлично, мой поросенок, идем.

Двор был темный и грязный, дом глыбообразный и жалкий, дверь потертая и скрипучая. Прихожая оказалась полна стеклотары. В углах бутылки громоздились застывшими лавинами, и некоторые с приглушенными стонами катались под ногами. Шкаф тоже был наполнен ими. В ветхой комнате огромное скопление всевозможных бутылок образовывало шаткие построения и фигуры странной прозрачности. Голос Кузьмы Всеволодовича прыгал по бутылкам, падал в них, выбирался и снова падал. А весь пол был усыпан жестяными баночками...

– Мни их, мни! Ступай твёрже. Их нужно спрессовать. Вот в таком роде... – Ритурнель потоптался на баночках. – Их на вес продают.

Анка тоже немного попрыгала на баночках. Хозяин остался доволен.

– Мой бизнес такой же, как и всякий другой! Здесь нужен ум, талант и смелость. А сколько терпения! Может быть, ты считаешь, что лучше быть архитектором или учителем? Но тогда племянница испанского короля подала бы руку кому-нибудь другому. Эти банки и бутылки открыли мне Европу и Америку! А мое предназначение еще выше! Не веришь?

– Верю, – согласилась Анка, – у нас тоже полно бутылок. Ещё дореволюционных. И до пункта не допереть! Раньше бабушка хотела одолжить сумку на колёсах. Когда вы дали ей работу, решила выбросить. Но ведь и до помойки тоже не допрёшь! А теперь ей нужны новые туфли. Но все равно, никуда мы их не допрём... Можете забрать себе, если надо.

Ритуфель скорчил физиономию.

– Я не отказываюсь. Но, сама понимаешь, для меня твой подарок – так, ерунда. Капля в море. Мне каждый день мешков десять этого добра прямо домой бомжи припирают. Я плачу хорошо. Я знаю, что почём. Потому что у меня есть голова! Человек даже царской фамилии не побрезговал бы такой работой. Но не всякий бы справился. Здесь нужна горячая, благородная кровь! Что ты молчишь? Или даже усмехаешься? Не веришь в князя Ритуфеля?

– Я не усмехаюсь, а улыбаюсь, потому что я снова нашла вас...

– Ах ты мой поросенок! А что скажет бабушка?

– Бабушка... Вообще-то она моя прапрабабушка... Я думаю, она расцелует вас.

– А если я захочу забрать бутылки?

– Спасибо скажет.

– Ну а остальные? У тебя есть ещё кто дома?

– Полинка. И Прошка.

– Ну а он не станет поперек? Он не пьяница?

– Да нет вроде бы...

– А Полина?

– Я думаю, нет...

– Хорошо, мой поросенок, я схожу за твоими бутылками. А потом, как будет у тебя пустая посуда, ты мне тащи – по две, по три бутылочки, это не тяжело. Коктейль выпила – пустую баночку клади в сумочку, помни, сначала сложи книжечкой, тогда и несколько за раз уместится. Может быть, ты в компании будешь пить коктейль. Это очень удобно! Тогда ты у всех сможешь собрать баночки. И, если правильно сложишь, они все поместятся в твою сумочку. Я научу тебя, как достичь благосостояния! Можно приобрести даже пруд с форелью, честное слово! У тебя будет сколько угодно... этих... Чего тебе в жизни не хватает?

– Ну, есть иногда нечего.

– Значит, сколько угодно «хот догов» будет! Всё это можно сделать при помощи всего лишь пустой посуды, но имея ум и характер князя Ритуфеля! Так-то!

Так-то! Князь и Анка отправились к старой Августе.

– Кузя Ритуфель, мой друг, – объяснила Анка прапрабабушке.

– Надеюсь, вы не пожалеете о знакомстве со мной, когда узнаете меня получше, – с достоинством произнес князь.

Они вошли в Прошкину комнату. Когда никто не смотрел телевизор, комната становилась самым уединённым местом в доме. Хотя в углу и жил Прошка, Анка почти не помнила о нём. Посреди стоял круглый стол. Князь присел к столу, Анка – напротив него. Опершись локтями о стол, а подбородок установив на сплетенные пальцы, она смотрела на своего гостя и улыбалась. Князь оглядывался. Что-то беспокоило его. Из игрушечной коляски на него внимательно взирали осмысленные глаза!

– Что это за ребенок? – спросил он.

– А, этот... Это так, ничего особенного. Прошка. Подкидыш.

– А почему у него физиономия многозначная?

– Он не совсем нормальный. Он может разговаривать, но не растёт.

– То есть карлик? Или он недоразвитый?

– Он умный, но маленький.

– Наверное, экология? Понятно. Не удивительно, что таких детей выбрасывают, но удивительно, – он недоуменно взирал на Анку, – что их подбирают. Ведь из него ничего не вырастет!

– Да он и так вроде ничего, – промямлила Анка.

– Что ты ничего, я вижу! Толковая, красивая герла. А чтобы он был ничего – не видно. Анка подошла к коляске и склонилась над Прошкой.

– Давай, скажи что-нибудь.

Прошка молчал, сосредоточенно глядя на гостя. Он словно не мог уяснить для себя что-то очень важное. Анка потребовала:

– Ну, Прошка, говори! Это Кузя, князь Ритурнель, мой друг.

Прошка тяжело вздохнул, как всегда вздыхал, если его принуждали говорить.

– Сегодня хорошая погода. Зачем здесь этот человек?

– Во болтает! – взвизгнул Ритурнель. – И я ему не по вкусу. Пардон, пардон!

– Тебе же нравился Пузырь, значит, и Кузя должен понравиться! – возмутилась Анка, – он князь, настоящий дворянин! У него есть пруд, там водится даже форель! С ним разговаривала племянница испанского короля! У него есть рыжая собака! Короче, расскажи ему всё самое интересное!

– Ну, что ж... слушайте, мне не жалко. Жил был на свете Мастер. Совсем один, никого на свете больше не было. И росло на свете единственное Дерево, огромное, как солнце. Мастер взял, и срубил дерево. Да, срубил! Он не подумал, что губит прекрасное и даже не редкое, а единственное дерево! Он был Мастером. Он не мог созерцать, он должен был творить. Теперь его фантазия получила нужный материал для работы и создала множество древесных образов. Мастер наделал домов, кораблей, ложек, карандашей, прищепок и бус. Он вдохновенно пилил, строгал, вытачивал, лачил... И еще у него остались доски на все заборы от края до края земли и дрова на растопку всех печек на свете.

Корабли, созданные им, плавали, карандаши рисовали, прищепки прищемляли – как-то все это существовало, исполняло свое назначение, но, в отличие от дерева и к искреннему удивлению Мастера, живым не было. Предметы ощущали, что сделаны из особого материала, как будто более живого, чем они сами. Благодаря ностальгическому материалу и тоске, деревяшки можно было считать отчасти даже одушевленными. И поэтому карандаши иногда выводили странный фантастический абрис, никто на земле не ведал, что это за абстракция, а это было Дерево. И корабли все больше плавали по направлению к тому месту, где когда-то оно цвело (но не росло, расти было некуда...), и капитанов называли сектантами-пнистами, поклонниками мертвого пня. Впрочем, ни один корабль так и не доплыл до того пня... Прищепки скрипели и трескались...

– А столы бегали на своих ножках! – воскликнул князь и захохотал. – А кровати прыгали!

– Он нарочно злит меня, рассказывает эту чушь! – Анка даже покраснела с досады.

– Ничего, поросеночек, не переживай. Для меня и мебель не проблема. Любой гарнитур. Хочешь? И бегать не будет, и скрипеть, и трескаться, гарантирую! – князь расхохотался уже всерьез и надолго.

А когда перестал, наступила тишина. Молчал он, молчала Анка и молчал Прошка. Полинка в немом изумлении глядела на них, застыв в дверях. Изумление ее сменилось страхом. Ей показалось, что Василий Васильевич Пузырь вышел из прапрабабушкиного туфля и теперь будет упрекать ее в жестокосердии, уже никогда не скажет, что она прекрасно воспитана и не позволит видаться с Эмилом. Но через минуту Полинка поняла свою ошибку и ушла. Кузя криво усмехнулся:

– Что за мелюзга пузатая?

– Это моя сестра. Полинка.

– Полина! – закричал князь, – поди сюда! Ты мне не сказала «здрате»!

Полинка не шла, она ни за что не хотела разговаривать с псевдо-Пузырем. У него было то же лицо, причёска, ботинки и перчатки, но глаза воровато бегали, а руки, жестикулируя, как будто загребали воздух. Он орал все противнее, и Полинке опять сделалось страшно. Раньше, до своего приключения с Василием Васильевичем, она не боялась ничего на свете. Теперь же стала сомневаться во всём. Правильно ли засовывать людей в корзину с картошкой, если они хорошие, но выдуманные, или неправильно не засовывать если они плохие, но самые настоящие? И вообще, нужно ли что-то делать, если всё равно не получаешь ни благодарности, ни славы? И все же Полинка решилась: «Если он не замолчит, я пойду и прогоню его отсюда. Ведь он хуже Василия Васильевича!»

Но вместо Полинки в комнату вошла высокая благообразная старуха. Не обращая внимания на орущий призрак Пузыря, она заглянула под стол, поискала среди старых полиных игрушек в Прошкином углу, затем растворила шкаф и принялась выкидывать оттуда всякий хлам.

– Прошка, ну куда я могла засунуть эту туфлю, скажи хоть ты? Ведь наверняка всё знаешь! – просила старуха.

Прошка помалкивал. Из шкафа выкатилась зеленая пустая бутылка. Князь вскочил, наклонился, ухватил ее за горлышко. Он держал ее в руках, вертел из стороны в сторону и улыбался. Наконец вдохновенно произнес:

– Когда-нибудь я расскажу вам о себе такое, что вы не поверите. Вы будете в восторге. Вы никогда ни о чем подобном даже не мечтали. Вы будете завидовать мне. Вы поймете, чем отличается князь Ритурнель от тех, кто его презирает.

– Чем же? – рассеянно спросила Августа.

– Расскажите, – попросила Анка.

– Нет, не сейчас. Я расскажу, когда получу емельку, которую сейчас жду. Она не может не прийти!

Однажды вечером Анка вошла в кухню, где ее ждала прапрабабушка с ужином, пританцовывая. Ее белый плащ развивался, как шлейф княгини.

– Бабушка, он получил емельку!

– Какую ещё емельку? Кто получил?

– Как это кто? Кузя!

– А, этот твой знакомый торговец бутылками?

– Он не торговец бутылками, а гораздо больше. Для него нет ничего невозможного. Он сегодня получил емельку от племянницы испанского короля и рассказал мне всю историю!

– Какую историю? – Августа внимательно посмотрела на Анку.

– Она приглашает его к себе. Он необходим ей, вернее, ей необходим один рецепт, который он знает. Она предлагает ему жить около самого дворца и большую зарплату. Король разрешит пользоваться своим бассейном. А Кузя должен готовить ей мороженое.

Старый уродливый зелёный чайник запыхтел на плите. Небо висело за окном белое, тяжёлое.

– Это король стеклянной посуды? Бывают такие короли, я слышала...

– Нет, это всамделишный король.

– А зачем ему рецепт мороженого? Может быть, он как раз король мороженого?

– Нет, бабушка, просто обычный король.

– А Испания всё ещё королевство?

– Да, конечно, – сказала Анка так, как будто хорошо это знала.

– А на каком языке написано письмо?

– Конечно, на испанском!

– Так ты не могла его прочесть. Как можно быть такой доверчивой? Даже Прошку так легко не обманешь.

– Прощка вообще ничего не смыслит, хуже младенца! Но дело не в этом. Просто Кузе незачем врать мне. Эта его принцесса Стефана – старая и безобразная. Она хотела выйти за него замуж, но он отказался. И как оказалось, правильно сделал! Потому что он изобрел рецепт мороженого. Он ведь начинал свою карьеру барменом – Диккенс тоже разносил поначалу газеты. И Кузя от скуки изобрел такое потрясное мороженое, что все падают!

– И что, оно на самом деле вкусное?

– Да! Зашибец! Я попробовала и чуть с ума не сошла. А как красиво – в фужерчике, с клубникой, шоколадом, цветами и листьями!

– Ты не «чуть». Ты таки сошла с ума. – Августа смотрела на Анку со страхом.

– Так вот, Кузя, – тараторила Анка, – будучи по делам своего «Вторичного сырья» в Испании, угощал там эту принцессу мороженым – они встретились на бензоколонке. И она до сих пор помнит и не может жить без мороженого! В общем, он решил ехать в Испанию, – торжественно заявила она.

– Чепуха, а не человек! От него всего можно ждать. Обидно, что ты не видишь... Только когда он отправится в Испанию я вздохну спокойно!

– Зря ты ворчишь, – ответила Анка все так же весело, – он не обычный, не укладывается в рамки, но ведь это же здорово! Я вытащила счастливый билетик и даже рада, что Василий Васильевич оставил меня в покое. Он был не чета Кузе...

– Какой ещё счастливый билетик? – встревожилась Августа.

– В Испанию, ба! Он берет меня с собой в Испанию! Я уже уволилась с работы! Уже есть заграничные паспорта, билеты, и можно укладывать чемодан! Я так счастлива!

– Зачем он берет тебя с собой в Испанию? Он не сказал тебе – зачем?

– Зачем? Да просто так. А может быть, чтобы Стефана отвяла. А почему меня нельзя взять с собой в Испанию?

– А ты не боишься?

– С Кузей ничего не страшно.

– А если он продаст тебя в рабство? Ты разве не видела по телевизору...

– Не продаст. Я ему нужна. А если продаст – убегу. Там растут апельсины прямо на улицах!

– Будут тебе апельсины! Он – проходимец. А ты – дурочка.

– Нет, ба. Кузя говорит, я умная. Иначе он не взял бы меня с собой. Сама подумай – зачем ему таскать с собой дуру? Ты зря волнуешься. У меня все будет чудесно. Я и вам буду присылать капусту.

– Да откуда у тебя будет капуста?

– Я буду с Кузей готовить мороженое!

Целую ночь Августа препиралась с Анкой, пока не привыкла к мысли, что ее внучку увозит проходимец Кузьма Ритурнель, и этому горю помочь нельзя.

– И тебе не жаль оставлять нас? Маленькую сестру, беспомощного ребенка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.